

В центре бывшего поселка, в траншее, на краю террасы высотой 5–6 м, в 6 м от бровки (рис. 13 – см. на CD-диске) был обнаружен отщеп из полупрозрачного обсидиана аморфной формы размером 2,3 x 2,1 x 0,9 см. Культурный слой в месте находки не прослежен. Каких-либо других артефактов не обнаружено.

Можно предполагать, что эта часть памятника Бечевинка II была полностью уничтожена во время строительства военного городка и его инфраструктуры. Площадь и его культурную принадлежность на данный момент определить невозможно.

В перспективе, при проведении разведок на берегах бух. Бечевинской, есть вероятность выявления новых, ранее неизвестных, памятников, разрушенных в меньшей степени. Невысокие пологие короткие перевалы в конце глубоко врезанной бух. Бечевинской соединяют ее с бух. Большая Медвежка, Моржовая и другими, что придает находкам в этой бухте характер важного звена в цепи приморских памятников на границе Авачинского и Кроноцкого заливов. В частности, по северной части основания Шипунского полуострова проходит северная граница распространения древнейшей культуры на восточном побережье Камчатки.

Результаты полевых работ подтвердили информацию К. Дитмара и позволили ее уточнить. В настоящее время его материалы приобретают важное историческое значение для дальнейших археологических исследований на восточном побережье Камчатки. Других данных у нас, к сожалению, нет.

1. *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг. Петропавловск-Камчатский, 2009. 566 с.
2. *Руденко С. И.* Культура доисторического населения Камчатки // Советская этнография. 1948. № 1. С. 153–179.
3. *Диков Н. Н.* Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. М., 1977. 392 с.
4. *Дикова Т. М.* Археология Южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М., 1983. 232 с.
5. *Пономаренко А. К.* Древняя культура ительменов Восточной Камчатки. М., 1985. 216 с.
6. Камчатка XVII–XX вв. Историко-географический атлас. М., 1997. С. 10–11.
7. *Пономаренко А. К.* Тарьинская культура неолита Камчатки. Владивосток, 2014. 254 с.

В. П. Пустовит БУХТА РАКОВАЯ

Аннотация. В работе на основе архивных документов рассказывается о начальном периоде (1924–1933 гг.) советской исправительно-трудовой системы на Камчатке: деятельности администрации исправительно-трудового дома (ИТД) и её первого руководителя, условиях содержания и труда заключённых и связанных с этим чрезвычайных происшествий.

Ключевые слова: ИТД, исправительно-трудовой дом, заключённые, надзиратели, бараки, работа, побеги.

V. P. Pustovit RAKOVAYA BAY

Abstract. On the basis of the archival records the work tells about the early period (1924–1933) of the Soviet corrective-labor system in Kamchatka: activity of the labor-corrective establishment administration and its first director, prison and labor conditions and associated accidents.

Key words: labor-corrective establishment, prisoner, prison warden, barrack, labour, escape.

Летом 1924-го, через полтора года после окончательного установления советской власти в нашем крае, из Москвы в Петропавловск поступил секретный циркуляр по организации разгрузки мест заключения. Но на Камчатке разгружать было нечего.

Из информации местной прокуратуры: «В Камчатской губернии дом лишения свободы есть только один в Петропавловске (бывший арестный дом), который мало приспособлен к отбыванию долгосрочных и служит в большинстве случаев для предварительного заключения. Надзор за ним и правильностью содержания осуществляется личным наблюдением и посещением» [1, л. 12].

В I квартале 1924 г. «содержалось арестованных шесть человек. Неправильно заключённых не было» [1, л. 12]. В 1925 г. «ДПЗ (дом предварительного заключения. – В. П.) в сравнительно сносных условиях», на 1 апреля численность контингента на прежнем уровне: «1 рабочий, 2 крестьянина и 3 бывших советских служащих. Совслужащие, происходящие не из рабочих и не из крестьян, обвиняются в преступлениях по должности» [2, л. 80].

Но уже в августе следующего года Камчатский окрревком просит краевую инспекцию мест заключения переименовать Петропавловский дом предварительного заключения в исправительно-трудовой. Вопрос о средствах на обнесение ИТД забором и сооружение мастерских административному отделу надлежит «провести в установленном порядке» [3, л. 326].

1927 год: возбуждено ходатайство перед Далькрайисполкомом о принятии содержания Камчатского окружного ИТД на госбюджет [4, 172].

В 1928-м предлагается увеличить расходы на содержание Дома, а также поднять зарплату его работникам.

Очередной документ административного отдела Окрийсполкома, посвящённый этой теме, датирован 19 апреля 1929 г. «В ИТД подходящие товарищи не идут, приходится бегать и искать кого бы найти на службу, но это вполне понятно, когда сторожа получают 135 руб., а тем более в порту и на рыбалке можно заработать сравнительно хорошо, не портивши зря нервов с пьяными хулиганами и преступным элементом». Документ продолжает настаивать на прибавке жалования персоналу ИТД, просит командировать «соответствующих товарищей» – начальника и старшего надзирателя. И, кроме этого, «разрешить вопрос о расширении ИТД, т. к. существующее помещение не соответствует своему назначению, такое положение отражается на нашей карательной политике» [5, л. 19].

Первым начальником Петропавловского ИТД был С. С. Мальков (1894 г. р.), сибиряк, участник гражданской войны на Дальнем Востоке, за что получил орден Красного Знамени. На Камчатку прибыл в конце 1922 г. в составе отряда РККА. В июле 1923-го демобилизовался. Работал начальником Большерецкой волостной милиции, председателем волревкома, оба раза освобождён по личной просьбе.

В должности начальника ИТД едва не сел сам. На него и на двоих его подчиненных – С. А. Резниченко и С. А. Яковлева в 1929 г. завели дело по ст. ст. 111 и 110 ч. 1 УК РСФСР. Обвинялся он в том, что не принимал мер к наведению дисциплины как среди заключённых, так и среди надзирателей, превратясь, по собственному его выражению, из исправляющего в развращающего. «З/к, – говорилось в обвинительном заключении, – пьянствовали и на внешних работах и проносили спирт в ИТД. Если первое обстоятельство находит оправдание в отсутствии конвоя, который бы наблюдал за заключёнными на месте производства работ, то второе – проношение спирта – объясняется исключительно недобросовестным отношением к своим обязанностям надзирателей, которые не всегда обыскивали з/к при возвращении их с внешних работ. Вследствие этого некоторые з/к, например Зефиоров, пьянствовали регулярно, а выпивка перед обедом по рюмке водки сделалась своего рода узаконенным явлением.

Надзиратели Резниченко и Яковлев являлись иногда на службу пьяными, проносили з/к спирт, пили вместе с ними и, напиваясь, спали у них в камерах. Однажды ночью во время выпивки между з/к Кочетковым и надзирателем Яковлевым произошла ссора, причём Кочетков повалил Яковлева на пол и обезоружил его. Наган был возвращён надзирателю и то без патронов лишь по настоянию з/к, в том числе Волкова, разбуженных происходящей в ИТД свалкой. Надзиратель Резниченко, будучи послан за отпущенным на квартиру з/к Поповым, застал последнего пьющим водку и присоединился к нему. Резниченко, вызвав в канцелярию з/к Кумпана, попросил удалиться дежурного надзирателя и, написав записку угрожающего характера на имя девушки, с которой находился в интимных отношениях, попросил Кумпана подписать её. Передавал записки через подследственных з/к Кумпана и Гурьянова.

...Разницы в содержании подследственных и срочных не делалось. Они вместе бывали в Красном уголке, выпускались на прогулки и без конвоя посылались на внешние работы, получая таким образом полную возможность связаться с внешним миром.

10 июня 1929 г. мл. надзиратель Демченко выстрелом из нагана ранил в голову з/к Яковенко, от какового ранения последний умер. Осуждённые за хулиганство Яковенко и Шкаровский и находящийся под следствием Кумпан, обвиняемый в изнасиловании, были отправлены на внешние работы. После привода их обратно в ИТД Яковенко заявил, что, если не уберут Демченко из ИТД, то они убьют его.

Несмотря на это, 10 июня в дежурство Демченко Кумпан и Яковенко вновь были начальником Мальковым выпущены без конвоя на внешние работы. Вернувшись пьяными, они учинили дебош, сопровождаемый нападением на надзирателя Демченко, во время которого и был смертельно ранен Яковенко.

Обследованим ИТД, произведённым 5 декабря 1928 г., кроме падения дисциплины, среди з/к и сотрудников зафиксировано также непринятие мер в летний сезон к заготовке рыбных продуктов, несмотря на наличие рыболовного инвентаря, недостаточное уделение внимания расширению огородной площади и отсутствие учёта продуктов, заготавливаемых самими заключёнными» [6, л. 13–14].

Из резолюции собрания ячейки ВКП(б) при ОАО по докладу С. С. Малькова следует: общее положение в ИТД ненормальное; поступающие заключённые принимаются без предварительного врачебного осмотра; медпомощь заключённым в ИТД не оказывается; здания, находящиеся у Раковой бухты, не соответствуют своему назначению. Ячейка признала необходимым, в целях правильного распределения по категориям и разрядам и содержания заключённых, в срочном порядке перебросить здание ИТД из города в колонию.

Спустя три десятилетия жена С. С. Малькова вспоминала: «... в то время домзак находился в центре города, рядом с милицией. Это было очень неудобно, и он (Мальков. – В. П.) начал ходатайствовать, чтобы его перевели в другое место, перенесли этот дом в Раковую бухту, где и сейчас находится эта тюрьма. В то время на этой территории находилась колония прокажённных (больных). Малькову много пришлось поработать в этой местности, чтобы обеззаразить территорию. Все старые постройки, как то: баню, сараи, уборные, всё начисто пожгли. Оставили только три жилых деревянных дома, их по целым неделям томили наглухо закрытыми горючей серой и всё везде смазывали креолином. Так организовался там дом заключённых. Открыли сапожную мастерскую, организовали в Большой и Малой Лагерной рыбалки, где постоянно работали заключённые. Коптили хорошие балыки из рыбы лосось, замечательные, я с тех пор не кушала такие. Из заключённых был хороший специалист мастер большой некто Сычёв (в 1917 г. Петропавловский уездный комиссар, товарищ председателя Облкома. – В. П.), уже пожилой человек, и вот под его руководством работали, много в то время было заключённых из местных жителей – рыбаков. Всю эту хорошую продукцию поставляли в город. Приобрели несколько коров (в том числе мальковская и ещё одного администратора содержались за счёт ИТД. – В. П.), было своё тюремное хозяйство. Затем, где теперь находится судовой верфь, вернее пос. Индустриальный, там в то время ничего не было, и вот на этом месте силами заключённых организовали большие огороды, сажали капусту и картофель». Добавим: турнепс, морковь, свёклу; заготавливали сено. «Сделали новую баню, пекарню, открыли магазинчик, назывался распределитель. Три дня в неделю открыт был для заключённых, а два дня для обслуживающего персонала, одно время я там даже сама работала» [7, л. 105об.–106].

(С. С. Мальков на допросе 27 мая 1933 г.: «Распределителем изолятора заведует моя жена») [8, л. 35об.]. «Приобрели два катера ездить стали на катерах в город и возить продукцию, копчёности, картофель», – рассказывала супруга начальника ИТД Юлия Фёдоровна Малькова.

«Заключённые жили не плохо, даже в шутку говорили, когда попадали, что едем в дом отдыха к Малькову. Он был очень добрый человек. К заключённым относился хорошо, и вот за свою доброту, доверчивость поплатился. Не все понимали его доброту. Находились такие, как использовали его доверие – начали делать побеги, были такие случаи, что удирали с работы в город, а двое даже удрали в сторону Большерецка и в Начиках их поймали» [9, л. 106–106об.].

Сразу после этого последовала серия проверок ИТД. Согласно прокурорскому акту, всего заключённых – 99, из них 4 подследственных, 8 «принудилловцев» и 87 «срочных». Из-за тесноты арестного помещения люди размещены «на чердаке кухни-конторы, в сапожно-пошивочной и слесарной мастерской», там тоже тесно, грязно. «Прогулка мужчин и женщин и их работа проходит совместно и без всякого внимания со стороны надзора». Более всего дисциплинарных взысканий на заключённых наложено за отказ от работы. Взыскания двух видов: арест и лишение рабочего пайка без учёта причины отказа.

«Начальником произвольно установлена норма выдачи хлеба: 1000 г, 800 г, 700 г и 250 г» [10, л. 56]. «Кухня чрезвычайно мала, содержится грязно, плита растрескалась, не белена, не обтянута железом. Хлеб вполне удовлетворительного качества, но хранится неряшливо. Вся обеденная посуда хранится в камерах где л/с (лишённые свободы) принимают пищу, т. к. столовой не имеется. За горячей пищей л/с приходят с кастрюлями, тазами, забирая по семь-девять порций» [11, л. 58]. Это уже медицинский «Акт обследования Камчатского областного изолятора».

Питание крайне однообразно: утром чай, хлеб; на обед и ужин всегда одно и то же – либо макароны, либо сухие овощи, рыба и вода. В последние три месяца нет жиров. Летом черемша свежая, зимой квашеная и солёная. В день приезда медиков обед и ужин готовился из свежей рыбы.

«Местом пребывания л/с внерабочее (так в тексте. – В. П.) время является корпус 119 кв. м (размеры со слов т. Малькова), разделённый на ряд небольших камер с коридором посередине, который имеет площадь в 22 кв. м. ...За вычетом коридора, амбулатории и красного уголка остаётся 63 кв. м (из которых нужно включить камеру, служащую карцером) на 58 чел. л/с, размещённых здесь на 30 мая с. г.

Площадь, абсолютно недостаточная для жилья. Высота помещения свыше полутора метров. В каждой камере размером три-четыре шага шириной и шесть шагов длиной помещены по девяти-одиннадцать чел. По обе стороны камеры вдоль стен устроены в два яруса примитивные койки для спанья на восемь чел., остальные спят либо на полу, либо по двое. У короткой стены под маленьким окошечком помещается некрашенный стол с полкой, на которой хранится посуда, хлеб и проч.

В большинстве камер грязно, а в одной в углу лежит не убранный мусор и пол залит водой из протекающего чайника. Под нижними полками хранится запасная обувь и различные вещи л/с, т. к. им разрешается иметь при себе свои вещи. ...форточки неисправны, воздух спёртый, сыро, холодно. Постельное бельё не выдаётся – нет одеял».

Следы раздавленных клопов были замечены также в квартирах обслуживающего персонала, и не только клопов, но и тараканов. Баню, которая содержалась удовлетворительно, обследователи нашли по размерам недостаточной, используемой «с излишней нагрузкой без особых к тому надобностей»; л/с мылись раз в 10 дней.

«В изоляторе нет вошебойки и при наличии вшивости борьба сводится к выдерживанию вещей на земле, если это не помогает, то к сжиганию».

«Впечатления, что находишься в амбулатории, не получается», – написали медики, потребовав замены фельдшера Шантина, что «по возрасту и физическому состоянию не пригоден. В его работе отсутствуют самые приметивные (так в тексте) медицинские навыки, правила асептики игнорируются целиком...»

Вызывали нарекания Красный уголок и скотный сарай. Однако, вместе с тем, было подчеркнуто: «скот в удовлетворительном состоянии» [12, л. 58–59].

...24 мая 1933 г. из ИТД был совершён групповой побег. Областные власти считали, что это произошло из-за «слабой постановки охраны, отсутствия ограждения, незнания надзором своих обязанностей».

Бежали трое. Все – «срочно-заключённые»: Григорий Гусар, приговорённый к высшей мере социальной защиты, т. е. расстрелу; Николай Харин (или Харинов), которому оставалось сидеть шесть лет из восьми, и Алексей Тарасов с тремя годами л. с.

Гусар (тракторист, бывший комсомолец): «В Петропавловский изолятор прибыл 16 декабря 1932 г. следственно-заключённым, где был на следующий день допущен к работе на рубке дров и работал до получения копии обвинительного заключения» [13, л. 37].

Суд над ним состоялся 27–28 января 1933 г. Судили Гусара по 58-7 («подрыв госпромышленности... использование в контрреволюционных целях... предприятий»), 116 и 120 ст. УК РСФСР. «И после вынесения приговора я в течение месяца на карцерном положении: камера была закрыта всё время, прогулки через каждые три дня минут по 20. Кормили на равных правах с прочими... Пробыл месяц, стал просить начальника о допуске на работу, вскоре Мальков разрешил работать на территории хозяйственного двора под наблюдением надзора» [14, л. 37об.].

Объект вне бараков – как указывалось в одном из актов обследования ИТД – был «в относительно удовлетворительном состоянии», недоставало лишь мусорных ящиков, и отбросы сваливались с пригорка прямо в бухту, загрязняя берег...

Потом Гусара переместили в общую камеру. «Проработав с месяц с внутренней охраной, мне стали делать отдельные поручения совершенно без надзора и охраны. Незадолго до побега мне было дано поручение сходить на Солеварку, где я и заночевал, обратно прибыл в изолятор с начальником. В Солеварке ни охраны, ни надзора не было. Пробыл четыре-пять месяцев в изоляторе, мне стало тягостным пребывание в таковом, и у меня созрела решимость к побегу, но т. к. я не знал дороги и вообще местоположения Камчатки, решил сговориться со своим однокамерником Тарасовым, который не возражал против побега, также согласился Харин, находившийся во 2-м бараке...» [15, л. 38].

Администрация ИТД, видимо, не спешила сообщить Гусару о замене ВМН 10 годами лишения свободы.

Тарасов (рабочий, беспартийный, ст. 193 УК): «Заключённых заставляли выполнять в день по два наряда и использовали в работе не по специальности, заставляли выполнять грязную работу, как чистка уборной, и об этих ненормальностях я информировал облпрокурора, за что меня дежурный надзиратель Вычужанин хотел посадить в карцер, но я ему не подчинился. Эти ненормальности и толкнули меня на побег. Условия к побегу были очень благоприятные – не было ни охраны, ни надзирателей; камеры открыты целый день, начальника ИТД и его помощника целыми днями не было видно на территории изолятора» [16, л. 4–5].

Камеры Мальков, по словам Тарасова, посещал очень редко, жалобам заключённых не придавал значения. «Один из заключённых был болен и лежал в нашей камере до дня смерти, и начальник не принял никаких мер к удалению больного из общей камеры, фамилия больного Прусанов» [17, л. 5об.].

Были свежи два других случая, сказавшихся на настроении беглецов. Заключённый Завгородний, освобождённый лечебно-контрольной комиссией от работы с назначением усиленного питания, таковое не получил, работать отказался, был посажен в начале апреля в карцер и объявил голодовку, потребовав всё, что ему назначено, плюс пользоваться свежим воздухом и отправить жалобу прокурору республики через местного прокурора.

После 82-часовой голодовки, когда, несмотря на устные и письменные просьбы, начальник ИТД так и не явился, Завгородний с той же целью принялся стучать в дверь карцера. Надзиратель пригрозил ему наганом. В конце концов, разговор с Мальковым состоялся в присутствии прокурора. Начальник ИТД распорядился об усиленном питании, но на второй день после отъезда прокурора всё началось сызнова. 15 мая больного Завгороднего на руках отнесли в карцер за отказ от работы. Об этом он написал в заявлении прокурору и председателю областной рабоче-крестьянской инспекции [18, л. 136об.–137].

Прокурору пожаловался ещё один заключённый – А. С. Ковальчук: «Один раз у меня было рукавиц, а на улице было очень холодно, и я работал на бухте – рубил лёд голыми руками, причём, я обе руки отморозил. Приходилось мне работать около корейцев, где можно было отогреться от холода. При приходе в камеру № 2, где я отогревал свою душу, чтобы я не замёрз, погода несколько минут приходит старший надзиратель Бондаренко, который дал дежурному приказ тов. Чесанову, чтобы он меня закрыл в карцер. Я отсидел трое суток, срок вышел, но я не был освобождён от карцера, я спросил, когда вы меня освободите из арестного помещения, они мне говорят, что ты сиди, пока не сдохнешь.

Я в этом очень запечалился и отвечаю, почему это вы говорите, они мне говорят, мы знаем, что с вами сделать, после чего я говорю дежурному – пора обедать, а он мне говорит – обеда вам нет, а только из обеда можно вам дать одну водичку, причём, я взял миску и пошёл за супом, за мной дежурный вслед и говорит повару – дай ему водички жидкой, повар вылил из миски суп густой и дал жидкой водички из супу. Я решил эту воду из супу не брать, а взять себе чайник кипятку и испортить кишки, причём, дежурный меня опять закрыл в карцер, а сам ушёл посвистует, я постучал в дверь... Дежурный подошёл до дверей карцера и говорит – что ты стучишь, бездельник, мне покою не даёшь, с тобой одним дело иметь?

Я просил дежурного, чтобы он вызвал старшего надзирателя или самого начальника, он говорит – не стучи в дверь и языком, потому что я тебя свяжу. И прошу покорно, я опять прошу у него карандаш и бумагу, он мне не даёт, говорит – нету у нас склада для тебя. Я посидел и подумал, и у меня зверская обидительная сторона, и я решил сам себя погубить и сделал петлю и завесился при смертельной жизни. Меня сняли с петли, где я ничего не слышал, и через несколько минут меня откачали...» [19, л. 139].

Позднее начальник изолятора Мальков подтвердил факт попытки самоубийства бывшего милиционера Антона Ковальчука, осуждённого на 5 лет по ст. ст. 109, 111 и 113. Он пояснил, что произошло это в 5 ч. вечера 13 января 1933 г. Заключённый повесился «на матаузинской нитке, привязанной к стойке верхней правой койки в полусидячем состоянии. После извлечения из петли оказался без признаков жизни, после чего было произведено искусственное дыхание в течение 10 [минут] вернут к жизни в присутствии мед. фельдшера Шантина» [20, л. 138об.]. Шантин больных называл «семулянтами, а здоровым давал освобождение от работы» [21, л. 2об.].

Однако вернёмся к беглецам. Гусар: «23 мая вечером после работы пришёл к нам в изолятор Харин, где мы и Тарасов пришли к окончательному решению бежать из изолятора, где я с вечера передал Харину свои вещи: бельё и мануфактуру...» [22, л. 38об.]. Николай Харин (товаровед, бывший кандидат ВКП(б), ст. 109 УК: «... взял у него бельё и мануфактуру, чтобы моего имущества

не оставлять в изоляторе. Я в бараке 24-го не ночевал – ушёл из барака, меня никто не видел. Вещи для дороги я спрятал около барака» [23, л. 2].

Гусар: «24 мая рано утром я вышел во двор изолятора, чтобы убедиться, благоприятная ли погода для побега, и дежурный меня до уборной не сопровождал, я сказал дежурному, что мне надо сходить во 2-й барак, на что он заявил, что надо спросить у старшего надзирателя, я не согласовал этот вопрос ни с кем, пошёл в мастерскую, пробыл там некоторое время, пошёл на морской берег... Отойдя километра два от изолятора, меня догнал Тарасов...» [24, л. 39].

Тарасов: «Уходил я спокойно, словно гулять, меня никто не окликнул и никто не обратил внимания на мой уход. Я шёл через сопку... С Гусаром встретился на расстоянии 0,5 км от изолятора» [17, л. 5об.].

Гусар: «Шли всё время вместе. На пути до города нам попадались и охранники, и рабочие, но на нас не обращали внимания» [24, л. 39].

Тарасов: «...через Халактырку – совхоз вышли за Аюк-Юкск вечером. Я и Гусар зашли к знакомому Гусара, проживающему рядом со столовой Совторгфлота, где Гусар взял свой костюм, и мы пошли по направлению на Большерецк...» [17, л. 5об.]. Как говорится – не ближний свет, но для молодёжи (Гусару и Тарасову 20, Харинов на год старше) всё – семечки.

По Гусару, Петропавловска достигли часов в пять вечера и пошли на квартиру Щербакова на Таможенной улице, но тот выехал на материк. И тогда они с Тарасовым «направились по дороге к 17-му км, где встретились с Хариным (Тарасов же рассказывал, что они втроём шли с самого начала. – В. П.) и пошли через Елизово по направлению к Начикам... 28 мая утром были задержаны сельсоветом Начиков» [24, л. 39].

«В основе моего побега, – говорил в своё оправдание Гусар, – лежало долгое ожидание утверждения приговора» [там же].

Тогда же, в мае 1933 г., всплыли мотивы преступления, совершённого в ИТД два года назад. О них сообщил прокурору заключённый Д. Берлов. «30 августа 1931 г. я, Ткач, Журавлёв, Ботанов находились на покосе, с нами были надзиратели Радченко, Бондаренко. Кто-то принёс за работу по рубке дров 4 литра, выпили, затем Бондаренко предложил Ткачу сходить в город и принести ещё водки, дал 110 руб. Пока одевался Ткач, Бондаренко предложил Резниченко напугать дежурного надзирателя по корпусу. Резниченко согласился, пошёл к корпусу и приказал поднять руки вверх. Резниченко убежал, в то время подошёл Ткач и был тут же убит как нападавший...»

Убийство Ткача было совершено преднамеренно по взаимному соглашению Ломаша с надзирателями Бондаренко и Радченко. Дело в том, что Ткач знал хорошо преступные деяния Бондаренко и Радченко – о краже масла с кухни, об избивании заключённого Русанова, об изнасиловании жены Русанова – необходимо было от него избавиться» Ломашу дали один год условно, и он снова стал трудиться в качестве надзирателя [25, л. 133].

1 июля 1933 г. постановлением коммунистической фракции Камчатского облисполкома С. С. Мальков был снят с должности начальника ИТД «за допущение ряда ненормальностей – даже незаконных действий». Супруга вспоминала орденосца. «Перевели в город, пробыл в должности судьи и заместителя председателя областного суда с 1934 по 1938 г. Затем началась реакция ежовщины и их почти всех из прокуратуры и суда арестовали» [26, л. 106об.].

Дата ареста Сергея Степановича Малькова – 4 мая 1938 г. А 16 апреля его исключили из партии за связь с японцами, выразившуюся в получении от них подарков, например, джемпера, дарение им черемши, продуктов и совместную выпивку, «как у себя дома, так и у японских подданных» [27, л. 158]. Обвинение по ст. 58-1а («японский шпион»)-7-8-11. «Два года Мальков просидел в Хабаровске, всё велось следствие и, не доказав ничего – всё были кляузы», – писала 20 мая 1969 г. его супруга краеведу Р. Юшину [26, л. 106об.].

На заседании военного трибунала 4 ноября 1939 г. С. С. Мальков сказал: «В 1938 г. меня избивали на допросе в мае месяце, затем в сентябре и ноябре. Я решил, чтобы сохранить свои силы, давать следствию показания так, как оно захочет, но имел в виду рассказать об этом на суде» [28, л. 101].

Чекисты не только избивали арестованных, но иной раз пользовались также положением изгоев их родных и близких. В конце апреля 1940 г. первичная парторганизация Камчатского УНКВД рассматривала персональное дело зам. начальника экономического отдела сержанта Я. Н. Лукьянова (г. р. 1914, образование 8 кл., на Камчатке с осени 1938), вступившего «в интимную связь с женой арестованного».

Женщина эта, воспользовавшись пьяным состоянием молодого чекиста, «вытащила у него партийные и оперативные секретные документы, прочитала и начала рассказывать их содержание

своим знакомым» [29, л. 170–171]. С её участием сержант ГБ Лукьянов, как утверждали его коллеги, систематически организовывал коллективные пьянки.

Второй антипартийный поступок тов. Лукьянов совершил в отпуске в г. Дзержинске весной 1940 г. «В состоянии опьянения он зашёл в магазин, обнажил оружие и требовал вина, нарушил общественный порядок, за что милицией был обезоружен и подвергнут приводу в управление РКМ (рабоче-крестьянская милиция. – *В. П.*). В милиции им было написано заявление о выдаче отобранного у него револьвера. Заявление он подписал не своей фамилией, а фамилией его товарища Фролова».

Собрание первичной парторганизации объявило ему строгий выговор. Из 15 коммунистов за эту меру наказания проголосовали 6, за «строгач» с предупреждением об увольнении из органов – 4, за исключение из партии – 5. 27 мая 1940 г. Петропавловский горком ВКП(б) объявил ему выговор с занесением в личное дело, присовокупив: «Считать невозможным дальнейшее оставление т. Лукьянова на службе в органах НКВД» [там же].

Через два года С. С. Малькова освободили. Юлия Фёдоровна говорила, что «он приехал домой совершенно больной. В суд он уже не пошёл работать» [30, л. 105об.]. (В партии восстановлен не был, поскольку, как указывалось в документах обкома ВКП(б), при аресте дал клеветнические показания на Аракчеева, Ямпольского, Немова и других, из-за чего тех арестовали.) [31, л. 135].

Устроился в «Союзпушнину» директором городской конторы «Заготживсырья». В апреле 1942 г. его послали с бригадой охотников в командировку на Командоры. Проработал С. С. Мальков там 8 месяцев. Перед возвращением домой скоропостижно умер. Похоронен на о. Беринга. В Петропавловске остались жена и пятеро детей. По отзывам многих, первый начальник ИГД Камчатки был хорошим семьянином...

Реабилитировала С. С. Малькова прокуратура Камчатской области 1 февраля 1990 г. [32, с. 177].

1. ЦДНИКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 43.
2. Там же. Ф. 45. Оп. 1 Д. 1.
3. Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 269.
4. Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 45.
5. Там же. Д. 148.
6. Там же. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 1198.
7. Там же. Ф. 800. Оп. 1. Д. 264.
8. Там же. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 197.
9. Там же. Ф. 800. Оп. 1. Д. 264.
10. Там же. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 197.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же. Ф. 800. Оп. 1. Д. 264.
27. Там же. Ф. 13. Оп. 6-а. Д. 79.
28. Там же. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 1197.
29. Там же. ОФ. Д. 200.
30. Там же. Ф. 800. Оп. 1. Д. 264.
31. Там же. ОФ. Д. 200.
32. Из тьмы забвенья... Книга Памяти жертв политических репрессий Камчатской области. Тверь, 2010. 392 с.